

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

возможно через метафорическое самосожжение, через смерть; для Калугина это вечный поиск и обретение Знания путем «грехопадения», низвержения. И в том, и в другом случае речь идет о духовном совершенствовании, а сама идея воплощается в образе Иисуса Христа. Конечная же цель – достижение духовного Рая, что отсылает к представлениям розенкрейцеров, о чем свидетельствует и семантика названия «Rosagium». И у Вяч. Иванова мотивы безмолвия и пустоты присутствуют одновременно с библейским Словом: «И холм, уже не раз весенний, // Безмолвием проговорит...» [2. С. 511–512].

Литература

1. Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л. : ГИХЛ, 1939. 597 с.
2. Иванов В.И. Собрание сочинений : в 4 т. Брюссель : Foyer Oriental Chretien, 1974. Т. 2. 852 с.
3. Трессидер Д. Словарь символов. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/index.htm (дата обращения: 05.04.2020).
4. Калугин С. Венок сонетов. URL: <http://lib.ru/NEWPROZA/KALUGIN/sonets.txt> (дата обращения: 05.04.2020).

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-94

ЛОКУС КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЫ В РОМАНЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ «ЗЕЛЕНЬ ШАТЕР»¹

Глазинская Е.Т.

Алтайский государственный педагогический университет, аспирант
**LOCUS OF THE COMMUNAL APARTMENT IN LYUDMILA
ULITSKAYA'S NOVEL «THE GREEN TENT»**

Glazinskaya E.T.

Altai State Pedagogical University, postgraduate student

В статье исследуется пространство коммунальной квартиры в романе Людмилы Улицкой «Зеленый шатер». Фиксируются компоненты коммунальной квартиры как пространственной модели. Оппозиция своё/чужое подменяется на свое/общественное. Коммунальная квартира – это пространство, характеризующее персонажей, полнее раскрывающее их образы.

Ключевые слова: коммунальная квартира, пространство, домашнее пространство.

The article explores the space of a communal apartment in Lyudmila Ulitskaya's novel «The Green Tent». The components of the communal apartment are fixed as a

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90049.

spatial model. The opposition of own/other is replaced by own/collective. The communal apartment is a space that describes the characters and reveals their images more deeply.

Key words: communal apartment, space, home space.

Научный руководитель: Е.А. Худенко, д-р филол. наук, зав. кафедрой литературы АлтГПУ.

Творчество Л. Улицкой исследуется критиками и литературоведами, поэтика пространственных отношений при этом анализируется в аспекте мифопоэтики (О.В. Побивайло [1], Н.А. Егорова [2]). Если рассматривать коммунальную квартиру как альтернативу домашнего пространства, то пространство дома интерпретировалось И.В. Некрасовой на материале сборника «Бедные родственники» и в романах «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик» и повести «Веселые похороны» Людмилы Улицкой [3]. Некрасова приходит к выводу, что героини Улицкой «черпают силы в пределах своих домов, своих семей, своих вселенных. Герои писательницы <...> подпитывают собой мир – большой, разомкнутый на человечество» [3. С. 221]. Персонажи «Зеленого шатра» не вписываются в эту парадигму, они лишены дома, живут в коммунальном пространстве – в коммунальных квартирах и общежитиях.

Ф.В. Кувшинов, исследуя «квартирный вопрос» в соотношении с категорией исторического времени, делает вывод: «Разрушение дома, как символа самостоятельности, индивидуальности, чуждых идеологическому дискурсу СССР, протекало во времени и может быть представлено как последовательность дом → квартира → коммунальная квартира → общежитие/приют/коммуна» [4. С. 94]. В романе «Зеленый шатер» (2011) представлено домашнее пространство 1950–1990-х годов, схема Кувшинова приложима к этому роману.

Локус дома связан с образом Нюты, бабушки героя романа Сани Стеклова, хотя Стекловы живут в коммунальной квартире. Происхождение Стекловых, советских интеллигентов, – дворянское. Анна Александровна долгое время была учителем для Ильи, Сани и Михи. Благодаря Нюте семья Стекловых жила с памятью о прошлых правилах. После смерти бабушки мать Сани делает перестановку по вкусу мужа. Ласточкин пытается реорганизовать пространство комнаты в подобие дома, в помощь создания комнат из комнаты идут книжные шкафы, занавески. В комната меняется атмосфера, буквально – вносятся запахи коммунальной квартиры. Запахи кофе, мастики и духов сменяются запахом сала; личное (блuzка Нюты) становится общим. Смерть Нюты

ставит Саню перед необходимостью жить самостоятельно, но без наставляющего влияния Нюты жить они не умеют. Саня не может научиться жить в коммунальном пространстве, не научился жить в советской действительности и эмигрирует.

Школьный учитель Сани и его друзей, Миши и Ильи, Виктор Юльевич, как и Нюта, – интеллигент. Жизнь в книгах кажется ему предпочтительнее реальной, а занимает его жизнь насекомых (имаго и неотения). Жилье Виктора Юльевича определяется не как коммунальная квартира, а как «дом с рыцарем», которым пытается быть Виктор Юльевич. Однако деталь, связывающая его комнату с коммуналками, – плюшевая скатерть на столе фиксирует его «советскость»: такая же есть в комнате тети Гени, в комнате любовника Алёны. Происходящее в стране он не принимает, и по доносу лишается учительской деятельности, что разрушает миф о рыцарском служении.

Коммунальная квартира как локус включает в себя несколько компонентов: она символ советского пространства, территориальной проблемы; незамкнутость пространства приводит к противоестественному расширению границ семьи, когда люди вынуждены делить с соседями места общего пользования и пр. Коммунальная квартира разрушает семантику концепта «дом». Дом – *свое* пространство, ограниченное от чужого пространства улицы, в коммунальной квартире коридор разделяет и одновременно соединяет личные пространства комнат, жизнь жильцов выставляется напоказ. У дома есть хозяин и хозяйка – в коммунальной квартире их функции редуцируются. Кухня – это общее пространство, хотя архаическая функция кухни (очага) – центр, поддерживающий родовую жизнь, в новые времена – семейную, приватную жизнь.

В центре романа не только жизнь Сани Стеклова, но и двух его друзей-диссидентов, Михея и Ильи. Илья жил с матерью в коммуналке, но стремится убежать в другое пространство, переезжает с места на место при первой же возможности, в конце эмигрирует. Любовь Ильи к первой жене – это любовь к месту, в котором она обитает, попытка примерить на себя дворянскую жизнь. Дача, на которой живут Люда с отцом, – старая барская дача конца XIX века. «Старомодный уют («Как в барской усадьбе», – подумал мельком Илья)» [5. С. 101] вызывает романтический любовный порыв, и он начинает с Людой отношения, переросшие в брак. Илье нравится жить на даче, а когда жене дают квартиру, Илья не проводит в ней ни дня. Тем не менее, дача в советские времена получена

«по статусу», что расходится с понятием усадьбы, семейного гнезда. Она не принадлежит семье. Не случайно после отъезда Ильи за границу дача ветшает.

Михей Меламид наиболее подробно изображён в романе. У него не было ничего своего (в начале романа поселяется у тети Гени и ее слабоумной дочери), поэтому общественное вызывает положительные эмоции: накрытый на общей кухне стол, бесплатная общественная лампочка, оставленная в наследство комната. Хотя коммунальное пространство становится личным для Михея, он не может смириться с нарушением общности – выселением татар. Помогая им, он становится диссидентом, но кризис ценностей общественного приводит к самоубийству.

Если локус коммуналки может быть домашним пространством для некоторых персонажей романа, то иное значение для них имеет общежитие. Люди заселяются туда, следуя селекции: женское/мужское, студенческое/рабочее и т.п. Пространство общежития негативно окрашено, хотя с общежитием связаны интимные моменты жизни, и они меняют судьбы. Виктор Юльевич в женском общежитии проводит ночь с девушкой, которая сдает его военному патрулю. В комнате гэбэшника Геннадия проходит первая брачная ночи немолодой Гали Полухиной, после чего начинается ее «партийная» жизнь. А для Геннадия женитьба на Гале – шанс получения двухкомнатной (семейной) квартиры.

Е.А. Голубков акцентирует принудительный характер коммунального пространства, «торжество насилия и абсолютного диктата государства» [б. С. 138], порождающих насилие в отношениях между живущими в общежитии. Марина, дочь марксиста Кулакова, неугодного властям, попадает в университетское общежитие и подвергается насилию. Бытовая ситуация заставляет переоценить социалистическую реальность, несовместимую с марксистским проектом, поэтому ситуация соотносится с инициацией. Смертью ради при обретении истинного знания: «свалилась как мертвая»; просыпается «как будто кипятком ошпаренная» (хотя воды в общежитии нет). Испытания отсылают к казням египетским (нашествие клопов, язвы), хотя «тьма египетская» трансформируется в белые ночи. Вернувшись в Москву, Марина и совершает действия, близкие обряду очищения; топит клопов кипятком в квартире Ольги; квартира родителей тоже подвергается очистительному потоку. Книги

(Маркс, Энгельс, политэкономия) «лежат в воде как утопленники». Эти книги заставляли читать ее родители, но отец Марины, считавший себя истинным марксистом, оказался в тюрьме. Избавление от книг, от идей отца, воспринимается как начало новой жизни.

Коммунальная квартира – это метафора советского пространства. Она трансформирует традиционные представления о доме и выступая как пространство бездомности. Коммунальные локусы осознаются временными, каждый из персонажей ожидает перемен. Но даже в коммунальной квартире можно создать пространство личное, не адаптированное общими условиями. Изображение жизни персонажей в коммунальной квартире – это не просто фон, на котором разворачиваются события сюжета, это пространство, характеризующее персонажа. Не сумев найти места в коммунальном пространстве, персонажи-интеллигенты эмигрируют и не находят своего пространства.

Литература

1. Побивайло О.В. Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 165 с.
2. Егорова Н.А. Проза Л. Улицкой 1980–2000-х годов: проблематика и поэтика : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 180 с.
3. Некрасова И.В. Содержательность домашнего пространства в прозе Людмилы Улицкой // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код. Самара : СНЦ-РАН, 2010. С. 216–221.
4. Кувшинов Ф.В. Квартирный вопрос в русской литературе 1920–1930-х годов и категория исторического времени // Сибирский филологический журнал. 2016. №:4. С. 93–101.
5. Улицкая Л.Е. Зеленый шатер : в 2 т. М. : Эксмо, 2011. Т. 2. 384 с.
6. Голубков С.А. Российские уроки двадцатого века: испытание принудительной коммунальностью // Культура и текст. 2019. № 3. С. 133–143.